

— ОЖЕРЕЛЬЕ МИРОВ —

СВЯЗАННЫЕ ВРЕМЕНЕМ

СЕРГЕЙ ТАРАСЕНКО

Сергей Тарасенко

**Ожерелье миров:
Связанные временем**

«Автор»

2026

Тарасенко С. А.

Ожерелье миров: Связанные временем / С. А. Тарасенко —
«Автор», 2026

Часы тикают. Миры рушатся. Он бежит. Себастиан Рейн — последний в роду, несущем тысячелетнее проклятие. Каждый мир отторгает его. Каждая привязанность становится угрозой. И когда пираты Промежутков находят его в обычной уральской школе, он готов бежать снова. Но Ника Снегирёва — девочка с дневником странностей — видит то, что должна забыть. Помнит того, кого не существует. И она не собирается отступать. Цена спасения — воспоминание о любви. Вопрос — готова ли она забыть, почему любит, чтобы спасти того, кого любит?

© Тарасенко С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Тысяча лет назад	6
АКТ I: ЯКОРЬ	11
Глава 1: Дневник странностей	12
Глава 2: Последние дни	18
Глава 3: Сто восемьдесят три странности	23
Глава 4: Последняя ночь	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Тарасенко

Ожерелье миров: Связанные временем

Серия «Ожерелье миров» – Книга первая

От автора:

Посвящается моим дочерям: Арине, Дарье и Виктории, и моей супруге Марии.

Пролог: Тысяча лет назад

Храм Первой Династии тонул в синем свете факелов.

Огни горели без дыма и жара – магическое пламя, питаемое самой тканью реальности. Оно отбрасывало на стены тени, которые двигались независимо от своих хозяев, словно у каждого присутствующего было два силуэта: один – человеческий, другой – принадлежащий чему-то древнему и непознаваемому.

Храм был стар. Старше любого из тринадцати миров, старше самого Ожерелья. Его построили те, кто пришёл до Первой Династии – существа, чьи имена стёрлись из памяти вселенной. Стены из чёрного базальта уходили вверх, теряясь в темноте, где не было потолка – только бесконечность, усыпанная звёздами, которых не существовало ни в одном из известных небес.

Воздух пах озоном и чем-то сладковатым, почти цветочным – так пахла чистая магия, сконцентрированная в одном месте. Каждый вдох покалывал лёгкие, каждый выдох оставлял во рту привкус меди.

Рейнхольд стоял в центре круга, очерченного серебром на чёрном базальте. Линии круга мерцали, пульсируя в ритме, который не совпадал ни с одним сердцебиением – это был пульс самого Ожерелья, тринадцати миров, связанных невидимыми нитями. Тринадцать фигур в капюшонах окружали его – по одной от каждого мира. Тринадцать судей. Тринадцать приговоров.

Их лица скрывала тьма, но Рейнхольд знал каждого. Он сам когда-то сидел в этом круге – представитель Терры, Мира-Якоря. Теперь его место пустовало.

– Ты признаёшь содеянное? – голос Верховного Хранителя не отражался от стен. Он впитывался в камень, в воздух, в саму ткань реальности. Слова оседали на коже, как изморось.

Рейнхольд поднял голову. Его глаза – цвета грозового неба, фамильная черта рода – не выражали раскаяния. Под ногами серебряные линии вспыхнули ярче, реагируя на его дерзость.

– Признаю.

Шёпот пробежал по кругу – тринадцать голосов, сливающихся в один тревожный гул. Они ожидали оправданий. Мольбы о пощаде. Хотя бы попытки объяснить. За три тысячи лет существования Совета ни один обвиняемый не признавал вину так легко, так... спокойно.

– Ты украл время у мира Эвендим, – продолжил Верховный. – Ты сорвал печать с Хроноса-Сердца и забрал семьдесят лет у умирающей реальности. Миллионы душ угасли раньше срока, чтобы ты...

– Чтобы я спас её, – перебил Рейнхольд. Его голос не дрогнул. – Да. Я это сделал.

Он повернулся к третьей фигуре слева – единственной, чей капюшон был откинут. Женщина с серебряными волосами смотрела на него с выражением, которое он не мог прочесть. Любовь? Ужас? И то, и другое?

Элана. Та, ради которой он обрёл мир на преждевременную гибель.

Она была красива той красотой, которая не бросается в глаза, а проникает под кожу, в сердце, в душу. Серебряные волосы – наследие Эвендима, где все рождались с волосами цвета лунного света – спускались до пояса, перехваченные тонкой цепочкой из белого золота. Её глаза, обычно тёплые, как янтарь, сейчас потемнели от страха и боли. На бледных щеках блестели дорожки слёз.

Три месяца назад она умирала.

Чума Серебряных Слёз – болезнь, которая поражала только уроженцев Эвендима. Сначала появлялись серебристые пятна на коже, потом – лихорадка, потом – слёзы, которые текли не переставая, пока больной не угасал от истощения. Лекарства не существовало. Магия не помогала. Элана угасала у него на руках, и Рейнхольд знал – он не переживёт её смерти.

Поэтому он сделал невозможное.

– Эвендим был обречён, – сказал Рейнхольд, и в его голосе впервые прорезалась горечь. – Три года, может, пять – и он угас бы сам. Ваши учёные это знали. Ваши пророки это видели. Я лишь...

– Ты лишь украл эти три года, – отрезал Верховный. – И отдал их смертной женщине, которая должна была умереть от чумы. Ты нарушил Первый Закон, Рейнхольд из дома Рейнов. Хранитель не крадёт время. Хранитель хранит.

Его слова упали в тишину, как камни в колодезь. Где-то в глубине храма что-то загудело – низкий, почти неслышный звук, от которого вибрировали кости.

Рейнхольд промолчал. Он знал Закон лучше любого из них – его род писал эти Законы, когда первые нити связали миры в Ожерелье. Его прапрадед чертил серебряные круги на этом самом полу. Его бабка произносила слова, которые скрепили тринадцать реальностей в единую цепь. Но законы были созданы теми, кто никогда не любил так, как любил он. Теми, кто не знал, каково это – смотреть, как любимая умирает, когда ты держишь в руках силу, способную её спасти.

– Совет вынес решение, – произнёс Верховный.

Воздух в храме изменился. Стал гуще, холоднее. Синие огни факелов вспыхнули белым – цветом приговора, цветом необратимости. Тринадцать фигур подняли руки одновременно, и серебряные линии круга взметнулись вверх, образуя клетку из чистого света.

Тринадцать голосов слились в один – нечеловеческий хор, от которого дрожали стены:

«Последний из Рейнов не найдёт покоя ни в одном из миров. Он будет бежать, пока Ожерелье не рассыплется или пока кто-то не отдаст за него то, что он украл – время своей жизни».

Слова врезались в воздух, выжигая себя в реальности. Рейнхольд видел их – буквально видел, как каждый слог становится вязью из белого пламени, как они впиваются в его тело, проникают под кожу, вплетаются в ДНК.

Боль пришла волной.

Не физическая – глубже. Словно кто-то вырвал из груди часть души и заменил её чем-то чужим, холодным, голодным. Проклятие впилося в его кровь, растеклось по венам ледяным огнём. Оно пробралось в кости, в мышцы, в каждую клетку. Оно нашло его сердце и обвило его, как змея, готовая сжать в любой момент.

И самое страшное – он чувствовал, как оно тянется дальше. К его неродившимся детям. К внукам. К правнукам. Ко всем, кто когда-либо будет нести в себе кровь Рейнов.

Он упал на колени. Не от боли – от понимания того, что он сделал со своими потомками. Сотни поколений, обречённых бежать. Тысячи детей, которые никогда не узнают, что такое дом.

– Твои дети, – голос Верховного стал почти сочувствующим, – и дети твоих детей будут нести это бремя. Каждый мир будет отторгать их. Каждая привязанность станет опасностью. Они будут вечными странниками, Рейнхольд. Это цена твоего выбора.

Элана шагнула вперёд.

– Позвольте мне... – начала она.

– Ты спасена, – перебил её другой голос из круга. – Украденное время уже в твоих венах. Его не забрать обратно, не уничтожив тебя. Живи с этим, Элана из Эвендима. Живи с тем, что твоя жизнь стоила целому миру.

Она замерла. Слезы текли по её щекам, но она не издала ни звука.

Рейнхольд поднялся на ноги. Его руки были свободны – они не сковали его цепями, не заключили в темницу. В этом не было нужды. Проклятие само по себе было тюрьмой, которую невозможно покинуть.

– Могу я... – он сглотнул, – могу я проститься с ней?

Верховный помолчал.

– Ты можешь. Но помни: каждый, кто полюбит проклятого Рейна, будет страдать. Каждый, кто попытается помочь – погибнет. Таков Закон, который ты сам нарушил.

Рейнхольд пересёк круг. Серебряная линия обожгла его ступни, но он не остановился. Элана смотрела на него так, будто видела впервые – и в последний раз одновременно.

– Прости меня, – прошептал он.

– За что? – её голос дрожал. – За то, что я жива?

– За то, что будут платить другие.

Он коснулся её щеки – кончиками пальцев, едва-едва. Последнее прикосновение. Последняя нежность.

– Я найду способ, – сказал он. – Пусть не я – мои потомки. Когда-нибудь кто-то из нас найдёт путь разрушить проклятие. Я верю в это.

Элана накрыла его руку своей.

– А если не найдут?

– Найдут, – он почти улыбнулся. – Рейны упрямы. Это семейное.

Стражи Совета шагнули вперёд, разделяя их. Рейнхольда повели к воротам – к первому из тысячи переходов, которые ему предстояло совершить. К первому миру, который примет его ненадолго, а потом начнёт отторгать.

На пороге он обернулся.

Элана стояла там, где он её оставил. Серебряные волосы, мокрые от слёз щёки, украденные годы, бегущие по венам. Она подняла руку – не в прощании, в обещании.

Я буду ждать, читал он по её губам. *Я найду способ помочь.*

Она ошибалась. Проклятие не оставляло лазеек для тех, кто любит проклятого.

Но Рейнхольд не стал ей этого говорить. Вместо этого он кивнул – и шагнул во врата.

* * *

Элана прожила семьдесят три украденных года.

Она потратила их все на поиски лекарства от проклятия. Изучала древние тексты, путешествовала по мирам, говорила с мудрецами и безумцами. За три дня до смерти она нашла ответ – не полный, но достаточный.

«Проклятие требует время жизни, – написала она в последней записи. – *Но время – не единственная валюта. Есть нечто равноценное. То, что делает жизнь жизнью, а не просто существованием. Если кто-то отдаст это добровольно, ради проклятого, из любви, а не из долга...»*

Она не успела дописать.

Её дневник нашли через двести лет – и потеряли снова. Знание существовало, ждало того, кто сможет его использовать.

А род Рейнов продолжал бежать.

Поколение за поколением. Мир за миром. Каждый наследник проклятия учился одному и тому же уроку: не привязывайся. Не люби. Не надейся.

Тысяча лет – это долгий срок для урока.

Но Рейнхольд был прав в одном: его потомки унаследовали упрямство.

Последний из них – семнадцатилетний мальчик с глазами цвета грозового неба – не переставал надеяться. Даже когда знал, что не должен. Даже когда каждый рассвет приносил новый отсчёт дней до бегства.

Он ошибался насчёт многого.

Но не полностью.

АКТ I: ЯКОРЬ

Глава 1: Дневник странностей

Ника

Первый снег выпал в ночь на понедельник.

Я знала это ещё до того, как открыла глаза – по особой тишине за окном, той ватной, глухой тишине, которая бывает только когда мир укутан белым. Даже звуки города – гудки машин, лай собак, далёкий грохот завода – всё становилось приглушённым, словно кто-то накрыл Златоуст огромным одеялом.

Златоуст просыпался медленно, как старик с больными суставами, и снег делал его ещё медлительнее. Город был странным – впрочем, какой уральский город не странный? Зажатый между гор, выросший вокруг металлургического завода, который дымил круглые сутки, окрашивая закаты в цвета, каких не найдёшь ни в одном учебнике. Население – сто тысяч, если верить Википедии. Достопримечательности – завод, церковь, краеведческий музей с чучелом медведя. Перспективы – уехать при первой возможности.

Я любила этот город. Сама не знала почему.

Странность #312: снег в начале ноября, – записала я в дневник, не вставая с кровати. Дневник лежал на тумбочке – всегда, каждую ночь, на случай если проснусь и увижу что-то важное. – *Слишком рано. Климатические аномалии? Или просто Урал. Примечание: проверить статистику снегопадов за последние десять лет.*

Дневник странностей я вела с восьми лет.

Папа умер, и мир стал неправильным. Не в смысле горя – это я понимала, это было объяснимо, это можно было уложить в слова и переварить. Неправильным в мелочах. Часы шли не так – иногда секундная стрелка замирала на долю секунды дольше, чем должна. Тени падали под странными углами – особенно на закате, когда заводской дым окрашивал небо в багровый. Иногда я видела краем глаза то, чего не могло быть – силуэты в пустых окнах, отражения людей, которых не было рядом, мерцание воздуха, как над раскалённым асфальтом летом.

Мама водила меня к психологу – милой женщине с седыми волосами и кабинетом, увешанным дипломами. Психолог сказал: «Детская травма, способ контроля, со временем пройдёт. Запись странностей – это попытка упорядочить хаос, который принесла потеря отца. Дайте ей время».

Прошло восемь лет. Не прошло.

Я просто научилась записывать тихо, чтобы мама не волновалась. Научилась не рассказывать Жене о самых странных странностях. Научилась делать вид, что я нормальная – насколько это возможно для девочки, которая ведёт каталог невозможного.

– Ника! – голос Тёмы из-за двери, приглушённый деревом и расстоянием. – Мама говорит, через двадцать минут выходим!

– Иду!

Я не шла. Я лежала и смотрела в потолок, где трещина в побелке напоминала карту несуществующей страны – с горами, реками, даже чем-то похожим на береговую линию. Ещё одна странность, но слишком банальная для дневника. Трещины в потолках есть у всех.

Моя комната была маленькой, но моей. Полки с книгами – в основном фантастика и детективы, потрёпанные от многократного перечитывания. Стол у окна, заваленный учебниками и тетрадями. Постер «Звёздных войн» над кроватью – единственное украшение, не считая фотографии папы на тумбочке. Он смотрел с неё с той улыбкой, которую я помнила всё хуже с каждым годом.

Школа номер семь города Златоуста. Одиннадцатый класс. Сто сорок три дня до выпуска. Я считала – у меня всё посчитано. Количество уроков до конца четверти. Количество страниц в учебнике истории. Количество шагов от дома до школы. Количество раз, когда он посмотрел в мою сторону за последний месяц.

Двадцать три.

В душе я думала о нём.

Странность #313: Себастиан Рейн.

Он появился в нашей школе в апреле – посреди учебного года, что само по себе было странно. Кто переезжает в Златоуст в апреле? Кто вообще переезжает в Златоуст, а не из? Завуч сказала – откуда-то с севера, но никаких подробностей. Ни родителей на собраниях, ни адреса в школьных сплетнях, ни соцсетей. Женя проверила все возможные платформы – ВКонтакте, Telegram, даже Одноклассники на всякий случай. Ничего. Как будто он не существовал до того, как переступил порог нашей школы.

Он сидел за соседней партой – через два ряда от меня, у окна. Всегда у окна. Всегда с таким видом, будто наполовину уже не здесь – словно смотрел сквозь стекло в какое-то другое место, которое видел только он.

За полгода я записала о нём сто восемьдесят три странности. Ни одна не складывалась в объяснение. Они были как кусочки пазла из разных коробок – каждый интересный сам по себе, но вместе не образующий картины.

Странность #147: он знает ответы на все вопросы по истории, включая те, которых нет в учебнике. Вчера упомянул дату битвы при Грюнвальде с точностью до часа. Учитель проверил – верно. Откуда?

Странность #89: его тень иногда двигается неправильно. Отстаёт на долю секунды, словно у неё собственное мнение о том, куда идти. Проверила освещение в классе – нормальное. Проверила в коридоре – то же самое. Галлюцинация? Или...

Странность #156: он пишет правой рукой, но ест левой. Расчёсывается левой. Открывает двери левой. Только пишет – правой, и почерк при этом идеальный, словно из прописей девятнадцатого века.

Странность #203: он никогда не приносит еду на обед, но никогда не выглядит голодным. Ни разу не видела его в столовой. Ни разу не видела, чтобы он покупал что-то в автомате. Откуда энергия?

Странность #178: его одежда всегда одинаковая – чёрные джинсы, серый свитер, тёмная куртка. Каждый день. Но всегда чистая и целая. Он стирает каждую ночь? У него шкаф одинаковых вещей? Или...

Или что? Я не знала. В этом и была проблема.

Я спустилась на кухню.

Запах свежего хлеба и чая с чабрецом – мамин фирменный рецепт, который она привезла от бабушки из деревни. Тёма уже сидел за столом, уткнувшись в телефон, одиннадцатилетний комок энергии, временно укрощённый какой-то мобильной игрой. Мама разливала чай с тем сосредоточенным видом, который означал, что она мысленно репетирует урок – губы чуть двигались, проговаривая цитаты, которые собиралась использовать.

– Ты опоздаешь, – сказала она, не поднимая глаз.

– Не опоздаю.

– Снег, – она кивнула на окно. – Автобусы задерживаются.

– Пойду пешком.

Мама наконец посмотрела на меня – тем взглядом, который я называла «рентгеновским». Она была учительницей литературы, моей учительницей литературы, что было отдельным пунктом списка странностей моей жизни.

– Ты бледная.

– Это ноябрь, мам. Все бледные.

– Ника...

– Я в порядке.

Она не поверила. Но она никогда не настаивала – это было между нами негласным договором с тех пор, как папа умер. Я не заставляю её волноваться, она не задаёт вопросов, на которые я не могу ответить.

Путь до школы занимал двадцать минут – если срезать через территорию завода. Можно было идти по главной улице, мимо магазинов и кафе, как нормальные люди, но я предпочитала свой маршрут. Он был... правильнее. Больше странностей на квадратный метр.

Завод. Ещё одна странность Златоуста, хотя его сюда никто не записывал – он был слишком очевиден, слишком огромен для моего дневника. Metallургический гигант, который дышал огнём и выплёвывал сталь двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Его трубы поднимались над городом, как пальцы великана, вечно указывающие в небо. Ночью он светился оранжевым – заревом плавильных печей, искрами от резки металла. Днём – затмевал солнце дымом.

Мы, обычные люди, жили рядом с ним, маленькие и незначительные, как муравьи рядом со слоном. Дети металлургов, внуки металлургов, правнуки металлургов. Иногда мне казалось, что город существует только как приложение к заводу – жильё для рабочих, школы для их детей, магазины для покупки еды. А завод – настоящий хозяин, древнее божество из стали и огня, которому мы все служим.

Папа работал там. До того, как...

Снег скрипел под ногами – тот особенный уральский скрип, который бывает только при сильном морозе. Дым из заводских труб поднимался вертикально, белыми столбами до самого неба – ни ветринки, ни движения. Мой выдох превращался в облачко пара, которое медленно таяло в неподвижном воздухе.

Небо было странного цвета: не серое, как обычно в ноябре, не белое от снежных туч – почти сиреневое, с оттенком лаванды у горизонта. Такого цвета я не видела никогда.

Странность #312, дополнение: цвет неба. Сиреневый/лавандовый оттенок. Возможно связано с выбросами? Или с составом атмосферы? Проверить экологический отчёт на сайте администрации. Также: узнать, видит ли кто-то ещё.

Я не успела дописать – телефон завибрировал в кармане, выдёргивая меня из размышлений.

«Где ты?? Он опаздывает, ОПЯТЬ» – Женя, моя единственная подруга, которая не считала меня окончательно странной. Или считала, но это её развлекало.

«Иду» – ответила я.

«Ты снова будешь на него пялиться?»

«Я не пялюсь. Я наблюдаю.»

«Это одно и то же, только грустнее.»

Я убрала телефон и ускорила шаг.

* * *

Он вошёл на третьей минуте урока литературы.

Мама – в школе я звала её «Маргарита Павловна», хотя всё равно сбивалась – уже рисовала на доске схему композиции «Преступления и наказания». Дверь открылась, и по классу прошёл тот особенный шорох, который всегда сопровождал появление Себастиана Рейна.

Девочки смотрели с интересом. Мальчики – с раздражением. Я смотрела с чем-то, чему не могла дать названия.

Он был высокий. Слишком высокий для своего возраста, но при этом сутулился, будто пытался стать незаметнее. Чёрные волосы, бледная кожа, глаза...

Я могла бы написать о его глазах отдельную тетрадь.

Тёмно-серые с синим отливом. Цвет грозового неба – я нашла это сравнение в какой-то книге и поняла, что оно было придумано для него. Когда он смотрел – а он почти никогда не смотрел прямо, – казалось, что он видит не тебя, а что-то за тобой. Или внутри тебя.

Странность #184: его взгляд. Как будто он видит больше, чем есть.

– Простите, – сказал он. Голос глухой, с лёгким акцентом, который я так и не смогла опознать.

Мама кивнула.

– Садись, Себастиан.

Он пошёл к своей парте – через два ряда от меня, у окна, как всегда. Но на секунду, на одну крошечную секунду, его глаза встретились с моими.

Я не отвела взгляд. Не знаю почему.

Он – отвёл.

Сел, достал тетрадь, которую никогда не открывал. На его левом запястье блеснул серебряный браслет – витой, старинный, он никогда его не снимал. Ещё одна странность в коллекцию.

Я открыла дневник под партой.

Странность #313, наблюдение 184: он посмотрел на меня. Первый раз за три недели. В его глазах что-то было – не могу определить что. Усталость? Страх? Почему страх?

– Ника, – голос мамы. – Может, поделишься с классом, что ты там пишешь?

Я захлопнула дневник.

– Конспект, Маргарита Павловна.

Кто-то хихикнул. Я почувствовала, как щёки заливают краска. Мама смотрела на меня с тем выражением, которое дома означало «поговорим позже», а в школе – «продолжим урок».

– Итак, – она повернулась к доске, – Раскольников и его теория...

Я не слушала.

Я смотрела на Себастиана Рейна – на его сгорбленную спину, на то, как он смотрит в окно, на серебряный браслет, на тень, которая падала неправильно.

Я записывала его полгода.

Сто восемьдесят три странности.

Я думала, что успею разгадать его.

Я ошибалась.

Глава 2: Последние дни

Себастиан

Триста двенадцать дней.

Я проснулся с этой цифрой в голове – раскалённой, как клеймо. Проклятие никогда не давало забыть. Оно шептало по ночам, считало минуты, отмеряло срок.

Ты задержался, – говорило оно голосом, похожим на мой собственный, только искажённым, как эхо в пустом колодце. *Этот мир начинает тебя чувствовать.*

Я знал.

Последнюю неделю фонари на моей улице мигали, когда я проходил мимо. Трещины в асфальте расплзались быстрее обычного. Вчера у соседей сдохла собака – просто упала и не встала, когда я возвращался из школы.

Совпадение, говорил я себе.

Ложь, отвечало проклятие.

Комната, которую я снимал, была маленькой и холодной. Одна кровать, один стол, одно окно с видом на завод. Никаких вещей, кроме необходимого – я научился путешествовать налегке. Когда убегаешь каждые несколько месяцев, начинаешь ценить пустоту.

На столе лежали часы.

Карманные, серебряные, с гравировкой на крышке – символ рода Рейнов, который я ненавидел и который был единственным, что осталось от родителей. Часы достались мне от отца в ту ночь, когда он умер. Они были сломаны – стрелки не двигались уже лет двести. Но я всё равно носил их с собой.

Сентиментальность, – насмехалось проклятие. *Рейны всегда были сентиментальны. Поэтому и прокляты.*

Я не ответил. Спорить с голосом в голове – верный путь к безумию. Я предпочитал игнорировать.

До школы было двадцать минут пешком. Я шёл медленно, растягивая время, откладывая неизбежное. Снег падал крупными хлопьями, и мир вокруг казался почти... мирным. Почти нормальным.

Я почти мог притвориться, что я обычный школьник.

Обычный, – фыркнуло проклятие. *Ты никогда не был обычным. Ты – последний в проклятом роду. Твои предки убивали миры своим присутствием. Ты – не исключение.*

Школа номер семь появилась из снежной дымки, как корабль из тумана. Серое здание, серые окна, серые лица учеников, которые вскоре забудут о моём существовании.

Все, кроме одной.

Вероника Снегирёва. Ника. Девочка с серо-зелёными глазами и дневником, в который она вечно что-то записывала. Девочка, которая смотрела на меня так, будто я – загадка, а не угроза.

Она не знала, как права.

Я видел её в первый день – она сидела в третьем ряду, и солнце падало на её волосы, и я подумал: красиво. Это было ошибкой. Рейны не думают о красоте. Рейны думают о выживании.

Но я смотрел. Месяц за месяцем, украдкой, когда она не видела. Я смотрел, как она хмурится над учебником физики, как улыбается подруге, как записывает что-то в свой бесконечный дневник.

Я запоминал. На случай, если больше не увижу.

*Ты влюбился, * – проклятие звучало почти довольным. *Как твой предок. Как все Рейны. Вы не умеете иначе. Влюбиться – и уничтожить.*

Нет, думал я. Не уничтожить. Я уйду раньше.

Три дня. Я дал себе три дня – последние в этом мире, последние рядом с ней. А потом исчезну, как исчезал всегда. Проклятие сотрёт меня из памяти всех, кто знал. Она забудет моё имя, моё лицо, наши случайные взгляды через класс.

Так будет лучше.

Так будет правильно.

Я опоздал на урок специально. Не хотел сидеть и ждать, пока она войдёт. Не хотел лишний раз видеть, как она склоняет голову, когда думает.

Но когда я открыл дверь – она всё равно была первым, что я увидел.

Третий ряд. Серо-зелёные глаза. Дневник под партой.

Наши взгляды встретились.

Я отвернулся первым. Всегда – первым. Потому что если смотреть слишком долго, можно забыть, почему нужно уходить.

Сел на своё место. Достал тетрадь, которую никогда не открывал. Уставился в окно.

Триста двенадцать дней, – напомнило проклятие. *Слишком долго. Ты почти привязался.*

Почти.

* * *

Флешбэк приходит, когда я меньше всего жду.

Май. Библиотека. Солнце сквозь пыльные окна.

Она стояла у полки с книгами по астрономии – кто вообще читает астрономию добровольно? – и хмурилась, пытаясь достать том с верхней полки.

Я мог бы пройти мимо. Должен был.

Вместо этого я подошёл и снял книгу. Протянул ей.

– «Каталог Мессье»? – спросил я. – Серьёзно?

Она посмотрела на меня так, будто я заговорил на марсианском.

– Это для проекта.

– Проект по астрономии в ноябре?

– Мне нравится планировать заранее.

Она взяла книгу. Наши пальцы не соприкоснулись – я был осторожен. Но она всё равно чуть порозовела, и я подумал: плохо. Очень плохо.

– Спасибо, – сказала она. – Ты... Себастиан, да?

Она знала моё имя. Конечно, знала – мы полгода сидели в одном классе. Но то, как она его произнесла – будто пробовала на вкус...

– Да.

– Я Ника. Вероника. Но все зовут Ника.

– Я знаю.

Она моргнула. Я понял, что сказал лишнее.

– В смысле... учительница иногда называет тебя полным именем. Я слышал.

Плохое объяснение. Она смотрела на меня с тем выражением, которое я уже начал узнавать – любопытство, смешанное с настороженностью. Как на бродячую кошку, которая может укусить или замурлыкать.

– Ты странный, – сказала она наконец.

– Знаю.

– Я люблю странных.

Она улыбнулась – быстро, почти испуганно, будто сказала больше, чем хотела. И ушла, прижимая книгу к груди.

Я стоял ещё минуту. Смотрел ей вслед.

Ты влюбился, – сказала проклятие с мрачным удовлетворением.

Нет, ответил я тогда.

Да, знал я сейчас.

* * *

После уроков я не пошёл домой.

Бродил по городу, мимо завода с его вечным огнём, мимо старых домов, мимо детской площадки, где какой-то малыш лепил снеговика. Нормальная жизнь, нормальный мир.

Не мой.

Терра – Земля, как её называли в Ожерелье, – была Миром-Якорем. Здесь проклятие работало медленнее, чем в других мирах. Я надеялся остаться на год. Может, даже на два.

Триста двенадцать дней – это было больше, чем я заслуживал.

Но недостаточно.

Я остановился у её дома.

Не специально – ноги привели сами. Обычная панельная пятиэтажка, третий этаж, окна с оранжевыми занавесками. Я видел, как она вошла час назад. Видел свет в её комнате.

Сталкер, – хмыкнуло проклятие.

Нет. Просто... прощание.

Она не узнает. Она вообще не узнает, что я существовал. Проклятие позаботится об этом.

Я достал из кармана письмо – написанное ночью, в приступе глупой сентиментальности, которую утром собирался сжечь.

«Дорогая Вероника,

Ты не прочитаешь это письмо. Ты даже не вспомнишь, кому хотела его написать. Но мне нужно это сказать – хотя бы бумаге.

Ты была лучшей частью моего пребывания на Земле.

Ты смотрела на меня так, будто я – загадка, а не проклятие. Ты улыбалась, когда я говорил что-то странное, вместо того чтобы отворачиваться. Ты была тем, к чему я не должен был привязываться – но привязался.

Я ухожу завтра. Не потому что хочу – потому что должен. Мир начинает меня отторгать. Если я останусь, начнутся землетрясения, пожары, эпидемии. Всё, к чему я прикасаюсь, разрушается. Это не метафора – это проклятие, которому тысяча лет.

Ты забудешь меня к вечеру. Это хорошо. Это правильно. Это...

Невыносимо.

Но я запомню тебя. Это единственное, что проклятие не может отнять – мои собственные воспоминания.

Прощай, Вероника Снегирёва. Ты была лучшей странностью в моей жизни.»

Я смял письмо.

Глупость. Сентиментальная, бесполезная глупость.

Завтра я уйду. Не через три дня – завтра. Хватит тянуть. Хватит надеяться на то, чего не может быть.

Хватит её мучить.

Снег падал. Свет в её окне горел. Я развернулся и пошёл прочь.

Прости, Вероника Снегирёва, – думал я. *За то, что не был храбрее. За то, что не остался. За то, что ты никогда не узнаешь, как сильно мне хотелось остаться.*

Глава 3: Сто восемьдесят три странности

Ника

– Ты снова на него смотришь.

Женя ткнула меня локтем, и я едва не уронила ложку в суп. Столовая гудела голосами, звенела посудой, пахла котлетами и чем-то неопознаваемым. Обычный обед, обычный день.

Необычным был только он – Себастиан Рейн, который сидел в углу, совершенно один, и смотрел в окно.

– Я не смотрю.

– Ника. Я твоя лучшая подруга. Я знаю, когда ты врешь.

Женя была моей противоположностью во всём. Яркая, громкая, популярная. Рыжие кудри, веснушки, смех, который слышно на другом конце коридора. Мы дружили с детского сада, и до сих пор никто не понимал, как это работает.

– Хорошо, – сдалась я. – Может, немного смотрю.

– Немного – это когда глаза прикованы к нему последние пять минут?

– Три.

– Ника!

– Ладно, ладно. – Я отодвинула тарелку. – Я просто... он странный, Жень. По-настоящему странный.

– Ты записываешь странности. Для тебя все странные.

– Нет. Не так. Он... – я замялась, пытаюсь подобрать слова. – Ты когда-нибудь чувствовала, что кто-то не на своём месте? Не в смысле «новенький в классе», а в смысле... вообще. Как будто он пришёл откуда-то, где всё работает по-другому.

Женя задумчиво посмотрела на Себастиана. Он, словно почувствовав, обернулся – на долю секунды. Потом снова уставился в окно.

– Он симпатичный, – сказала она наконец. – В смысле, если бы не это вечно похоронное выражение.

– Я не про это.

– Ты – нет. Но могла бы.

Я покачала головой. Женя не понимала. Впрочем, я и сама не очень понимала.

После обеда у меня было окно – час свободного времени, который я обычно проводила в библиотеке. Сегодня вместо этого я достала дневник и начала листать страницы.

Странность #7: Себастиан Рейн не ест в школе. Никогда. Ни разу за полгода.

Странность #23: он говорит на латыни. Слышала, как он бормочет что-то на уроке истории. Откуда школьник знает латынь?

Странность #56: он не оставляет следов в снегу. Проверила дважды. Мои следы – есть, его – нет. Галлюцинация?

Странность #89: его тень двигается неправильно...

Я остановилась на записи, сделанной в октябре.

Странность #147: сегодня была авария на перекрёстке. Я стояла слишком близко к дороге, не видела машину. Он оттащил меня – буквально схватил за руку и дёрнул. Но он был в десяти метрах от меня, я это видела. Он не мог успеть. Физически не мог.

Я помнила этот день. Серый октябрьский вечер, визг тормозов, его рука на моём запястье – холодная, сильная, неоткуда взявшаяся.

«Осторожнее,» – сказал он тогда. И ушёл, не дав мне задать вопросы.

Его рука была холодной.

Его глаза – встревоженными.

Он спас мне жизнь – и исчез, как будто это было в порядке вещей.

* * *

Дома было тихо.

Тёма засел в своей комнате с компьютером, мама проверяла тетради в гостиной. Нормальный вечер, нормальная семья. Только меня не покидало чувство, что что-то не так.

Я поднялась к себе, легла на кровать, уставилась в потолок.

Завтра, думала я. Завтра я заговорю с ним первая. Просто подойду и спрошу... что-нибудь. Откуда он. Почему не ест. Почему его тень двигается неправильно.

Он, конечно, не ответит. Он никогда не отвечает на личные вопросы. Но я хотя бы попытаюсь.

Сто восемьдесят три странности – это много. Но ни одна не объясняла главного: почему я не могу перестать о нём думать.

Женя сказала бы – влюблённость. Но это было не совсем так. Влюблённость – это бабочки в животе, глупые мечты, сердце, которое пропускает удары. У меня было другое.

У меня было чувство узнавания. Как будто я знала его раньше, в другой жизни или в другом сне. Как будто он был ответом на вопрос, который я ещё не успела задать.

Глупость, – сказала бы мама.

Романтика, – сказала бы Женя.

Странность #184, – записала я в дневник.

И уснула с его именем на губах.

* * *

Той ночью мне снился сон.

Я стояла на краю обрыва – но внизу был не овраг, а небо. Другое небо, с двумя лунами и облаками цвета старой меди. Где-то вдалеке летели корабли – не морские, воздушные, с парусами, наполненными ветром, которого не было.

Рядом со мной стоял он.

Себастиан смотрел вниз, и в его глазах отражались обе луны.

«Ты не должна быть здесь,» – сказал он.

«Где – здесь?»

«В моём мире. В моём кошмаре.»

Он повернулся ко мне. Его лицо было таким, каким я никогда его не видела – открытым, незащищённым. Без брони.

«Завтра ты забудешь меня,» – сказал он. «Это хорошо. Это правильно.»

«Я не хочу забывать.»

«Хотение не имеет значения. Проклятие имеет.»

Я протянула руку – хотела коснуться его, доказать, что он реален. Но мои пальцы прошли сквозь него, как сквозь дым.

Он улыбнулся – печально, обречённо.

«Прощай, Вероника.»

Я проснулась с его именем на губах и с чувством, что потеряла что-то важное.

Завтра, – думала я, глядя на серый рассвет за окном. *Завтра у меня будет шанс.*

Я не знала тогда, как жестоко ошибалась.

Глава 4: Последняя ночь

Себастиан

Я не спал.

Это было глупо – последняя ночь в этом мире, а я вместо сна бродил по пустым улицам Златоуста, как призрак собственного будущего. Но проклятие не давало покоя. Оно чувствовало приближение перехода и волновалось, как пёс перед грозой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.